

DOI: 10.25178/nit.2023.4.24

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья

Ритуальные ленты и флаги в практике современных тувинцев

Чимиза К. Ламажаа

Независимый исследователь, Российская Федерация,

Чойган Х. Санчай, Айлаана В. Монгуш

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье проанализированы формы распространения ритуальных лент и флагов (чалама, кадак, тук) в социокультурной жизни современной Тувы. Работа основана на собранных авторами материалах в разных районах республики 2012–2023 гг. Рассмотрены вопросы терминологии ритуальных лент, флагов, истоков традиции их повязываний и использования. Подчеркнуто, что чалама имеют древнее происхождение и связываются с исконной шаманистской религией региона. Кадактар и туктар являются культурными заимствованиями, однако история их распространения в тувинских обрядах уже достаточно длительная, поэтому они считаются тувинскими традиционными.

Тема распространения ритуальных лент рассмотрена в соответствии с типологией объектов, на которые они повязываются (преподносятся). Это: места шаманистского поклонения, культов; освящаемые животные; буддийские сооружения; нерелигиозные объекты; а также люди, которым передаются кадаки. Показана масштабность распространения ритуальных лент в социокультурной жизни тувинцев, взрывной рост спроса на ленты и флаги, что привело к увеличению их продаж и доступности для населения. Приведены отдельные мнения опрошенных тувинцев разных возрастов относительно сути ритуалов повязываний. Отмечены проблемы просвещения населения, незнания ими основ ритуальных практик, поведения в святых местах, что приводит к экологическим бедствиям.

В целом, повязывание ритуальных лент и флагов характеризуется как проявление этнокультурного неотрадиционализма.

Ключевые слова: Тува: тувинцы; шаманизм; тувинский буддизм; ритуальная лента; ритуальный шарф; буддийский флаг; освящение; оваа; чалама; кадак; конь ветра; этнокультурный неотрадиционализм

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21–18–00246).

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Санчай Ч. Х., Монгуш А. В. Ритуальные ленты и флаги в практике современных тувинцев // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 344–370. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, независимый исследователь, Российская Федерация. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

Санчай Чойган Херел-ооловна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Эл. адрес: choukasanchai@mail.ru

Монгуш Айлаана Витальевна — младший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: ailaashka_88@mail.ru

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

Article

Ritual ribbons and flags in the practical activities of contemporary Tuvans**Chimiza K. Lamazhaa**

Independent researcher, Russian Federation,

Choigan Kh. Sanchai, Aylaana V. Mongush

Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes the patterns of distribution of ritual ribbons and flags (*chalama*, *kadak*, *tuk*) in the sociocultural life of contemporary Tuva. The work is based on the materials collected by the authors in different parts of the Republic in 2012–2023. We consider the issues of terminology related ritual ribbons, flags and the origins of the tradition of their tying and use. It is emphasized that *chalama* have an ancient origin and are associated with the primordial shamanistic religion of the region. *Kadaktar* and *tuktar* are cultural borrowings, but the history of their spread in Tuvan rituals is already quite long, so they are considered as Tuvan traditional ones.

The topic of the distribution of ritual ribbons is considered in accordance with the typology of the objects on which they are tied and presented. These are places of shamanic worship and cults; consecrated animals; Buddhist facilities; non-religious objects; as well as people to whom *kadaks* are handed. The authors show the scale of the occurrence of ritual ribbons in the sociocultural life of the Tuvans, the explosive growth in demand for ribbons and flags. This has led to an increase in their sales and availability for the population. We provide some opinions of the surveyed Tuvans of different ages regarding the essence of the tying rituals and highlight the issues of educating the people, their ignorance in the basics of ritual practices and behavior in sacred places. All these lead to environmental problems.

In general, tying of ritual ribbons and flags is described as a manifestation of ethnocultural neotraditionalism.

Keywords: Tuva; Tuvans; shamanism; Tuvan Buddhism; ritual ribbon; ritual scarf; Buddhist flag; consecration; *ovaa*; *chalama*; *kadak*; wind horse; ethnocultural neotraditionalism

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project "Thesaurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)" (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Lamazhaa Ch. K., Sanchai, Ch. Kh. and Mongush A. V. Ritual'nye lenty i flagi v praktike sovremennykh tuvintsev [Ritual ribbons and flags in the practical activities of contemporary Tuvans]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 344–370. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24>

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, independent researcher, Russian Federation. E-mail: lamazhaa@tuva.asia *ORCID ID: 0000-0003-1813-3605*

SANCHAI, Choigan Kherel-oolovna, Candidate of Culturology, Senior Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. Postal address: Office 107, 9/B, Mongush Sat St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: choykasanchai@mail.ru

MONGUSH, Aylaana Vitalyevna, Junior Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. Postal address: 36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: ailaashka_88@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3164-1463

Введение

Сегодня обряды освящения и поклонения (Ламажаа, 2021; Дагылга: тувинские ... , 2021; Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023), даже просто торжественные мероприятия, приемы важных гостей у тувинцев не обходятся без ритуальных лент и флагов разных типов и расцветок, которые повязываются на разные объекты/места и/или преподносятся людям. Это могут быть *чалама*¹ (ленты), *кадак*² (широкие ленты — шарфы), *тук* (знамя, флаг, в том числе буддийские, напр., *хей-аът тугу*³ 'флаг вдохновения' — прямоугольный флажок с изображением «коня ветра» в центре). Пестреющие разноцветными повязками пирамиды *оваа*, кусты, деревянные строения, конструкции возле буддийских сооружений, а также одеяния шаманов — стали одной из примет современной тувинской этнической культуры, одним из маркеров ее возрожденной в XXI в. новой традиционности. Впрочем, подобная картина также характерна и для других регионов Центральной и Юго-Восточной Азии, где распространены не только шаманизм и буддизм (с традициями освящения и подвязыванием лент, культом *оваа* / *овоо* (Ли, 2019; Charleux, Smith, 2021)), но и мусульманские традиции подвязывания лоскутов ткани во время совершения паломничества к почитаемым местам (Терлецкий, 2009 и др.⁴).

Несмотря на легкую наблюдаемость данного вида маркера, масштабность его присутствия, например, в российских регионах, изучение его началось только в последние годы⁵. Этнографические исследования касались этой темы в регионах: Алтае (Шерстова, 2010; Чилбакова, 2017; Екеева, Белекова, 2018), Бурятии (Соболева, 2017; Жамбалова, 2023), Хакасии (Бурнаков, 2012), Калмыкии (Бакаева, 2008; Gazizova, 2021), Монголии (Нанзатов, Содномпилова, 2012; Цэдэв Новаанзоч, 2015) и др. Но в этих работах ритуальные ленты, ткани рассматриваются как часть обрядности, обрядовой одежды, упоминаются как второстепенные объекты. Сегодня уже появились новые работы, например, исследование роли, структуры и символики молитвенных флажков *ки мөрн* в условиях городской жизни калмыков (Лиджиева, 2019); анализ ритуального пространства народа саха в аспекте ритуальных предметов, в том числе *салама* (Данилова, Васильев, 2019).

Поэтому, чтобы восполнить подобный пробел исследований в одном из характерных регионов — Республике Тыва (Туве) — целью нашего исследования будет анализ форм распространения ритуальных лент и флагов в социокультурной жизни современной Тувы. Работа основана на собранных авторами материалах в разных районах республики. Также проведены некоторые сопоставления с наблюдениями коллег в других регионах Азии. Ритуальными лентами и флагами мы в данном случае условно называем все виды изделий из ткани (ленты любых размеров, шарфы, флаги, знамена и пр.), которые имеют ритуальный характер (используются для ритуалов освящения, церемониального приветствия, освященные для специальных целей и пр.).

В соответствии с поставленной целью мы рассмотрим: 1) вопросы терминологии ритуальных лент, флагов, истоков традиции их повязываний, использования; 2) тему распространения ритуальных лент в зависимости от объектов, на которые они применяются; 3) проанализируем мнения опрошенных тувинцев относительно сути ритуалов повязываний; 4) отдельно остановимся на проблеме связи новой жизни традиции с экологическими проблемами, ставшими в последние годы очень острыми.

Специфика наших объекта (ритуальные ленты и флаги) и предмета анализа (их распространенности), которые мы рассматриваем как одно из видимых следствий социальной практики, связанной с освящениями *ыдыктаар*, *дагыыр* (Дагылга: тувинские ... , 2021; Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023; и др.⁶), в рамках нашего анализа *концептуализации этнокультуры* (Ламажаа, 2023), позволяет данную работу

¹ Во мн. числе *чаламалар*.

² Во мн. числе *кадактар*. В случае использования названия как заимствования в русском языке (с соответствующими склонениями: кадаков, кадаки и пр.) слово пишется без курсива. При этом склонения слова *чалама* как заимствования встречаются весьма редко, слово «плохо» склоняется, поэтому как заимствование нами не используется.

³ В ед. числе *тук* 'флаг', во мн. ч. *туктар* 'знамена, флаги'.

⁴ Терлецкий Н. С. К вопросу о роли лоскутов ткани (латга-банд) на мазарах Центральной Азии // Лавровский сборник: материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. 2006–2007, Санкт-Петербург, 15–17 мая 2007 года. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2007. С. 118–122.

⁵ Но изучение тибетских молитвенных флагов началось ранее, напр.: Wise, 2002; Barker, 2003; Kelényi, 2003; Rabten, 2011; Курасов, 2013; и др.

⁶ А также в монографии «Тува. Родная земля»: (Тува. Родная ... , 2023).

вести в междисциплинарной плоскости — на стыке филологии, лингвокультурологии, этнологии и визуальной антропологии.

Источниками нашего исследования выступили авторские наблюдения, в том числе зафиксированные: во-первых, в фотоматериалах в течение последних десяти лет (2012–2023 гг.) в разных районах Республики Тыва, во-вторых, в мнениях людей — тувинцев, которые были нами опрошены с января по август 2023 г., 19 человек. Мы также опирались на факты, собранные нашими коллегами по лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета¹.

Истоки традиции

Учитывая тот факт, что религиозная ситуация в Тыве, также как и по всему Саяно-Алтаю, характеризуется наличием синкретического комплекса (Хомушку, 2005), то далеко не всегда непосвященному наблюдателю понятны истоки традиции ритуальных лент и флагов. Ведь, одни их типы присущи шаманистской обрядности, другие — буддийской. Для того, чтобы попытаться различать традиции их происхождения, а значит — и назначения, мы рассмотрим наиболее распространенные — в вопросах терминологии и истоков.

Во-первых, ленты *чалама* (фото 1). Тувинско-русский словарь под редакцией Э. Р. Тенишева нам сообщает, что так называются «разноцветные ленты (на шаманской одежде и священных предметах)»².

Фото 1. Пучок лент чалама. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 год.
Photo 1. A bunch of chalam ribbons. Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

К.-М. А. Симчит пишет, что «возможная первоначальная семантика у глагола *чалбар* — ‘привязывать или преподносить чалама, т. е. просить милости от высших сил’³. Но другие авторы подчеркивают, что в письменных источниках это слово имеет варианты написания: *чалма*, *джелама*, *жемаль* (Ондар, 2004: 219), а также известные варианты названия — *двалама*, *ялама*, *салама*, что указывает на более сложный вопрос с этимологией этого слова. Так, якутский филолог Н. К. Антонов возводит историю якутского названия этой ленты *салама* к тюркскому слову *шал* ‘грива’ (Антонов, 1971: 15), тем самым подчеркивая общее тюркское происхождение названия. Исследователь алтайского бурханизма Л. И. Шерстова отмечает, что первоначально *ялама* / *жалама* / *чалама* была архаичной жертвенной

¹ Лаборатория этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Главная страница [Электронный ресурс] // Лаборатория этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. URL: <https://ethnolab.tuvsu.ru/> (дата обращения: 10.09.2023).

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. С. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 513.

³ Симчит К.-М. А. Лексика шаманизма в тувинском языке : автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2010. С. 15.

лентой (Шерстова, 2010: 208). Алтайский этнографический словарь 2023 г. уточняет, что этим словом обозначался пучок волос из конской гривы *jal*, который повязывали в качестве подношения духам и божествам местности на *обоо* (тув. *оваа*), на перевалах¹. Впоследствии, подчеркивает Л. И. Шерстова, *ялама* был заменен на ленты из ткани. При этом раньше *ялама* и *кыйра* различались и их привязывали отдельно. Сейчас различие, пишет Л. Ш. Шерстова, между ними понимают немногие алтайцы (Шерстова, 2010: 208). Очевидно, что такие нюансы «стерлись» и в тувинской культуре.

Г. Н. Потанин описывал шаманские лоскуты охранителя духа *ээрэн*, на которые были нашиты фигурки. В свою очередь на их животах были нашиты пучки *ялама* или *джалама*, как он записал от урянхайцев Улуг-Хема и Каа-Хема (Потанин, 1883: 99). Исследователь также приводит рисунок этого лоскута с лентами (там же: 1032) фиолетово-синего и белого цветов, на что специально также указывает С. И. Вайнштейн (Вайнштейн, 1974: 181).

О том, что *чалама* были непременно атрибутом шаманских ритуальных предметов, обрядов и одеяний, писали многие этнографы, путешественники, бывавшие на рубеже XIX–XX вв. в Туве и анализирувавшие традиционный быт тувинцев первой половины XX в.

С. И. Вайнштейн сам писал о разноцветных полосках, составляющих прямоугольный длинный кусок ткани (длиной 95 см) *ээрэн*, на которой были закреплены фигурки: схематично вырезанный из жести всадник на лошади, а также изображение солнца (там же: 182). Помимо этого, он упоминает о лентах на одеянии шамана: те обвивали длинные кожаные жгуты, которые свешивались с головного убора (Вайнштейн, 2009: 319). В том числе речь прямо шла и о свисающих лентах *чалама* (Вайнштейн, 1961: 183–184). Эти ленты также привязывалась к *илдирге* — петле из кожи, которая крепилась к *орба* (колотушке для бубна) (там же: 181).

Однако, М. Б. Кенин-Лопсан считает *чалама* не только атрибутами, но и самим духом шамана, который сотворен из этих лент (Кенин-Лопсан, 2002: 508). Описывая детально одеяние шамана, он не называет прямо *чалама* на головном уборе (Кенин-Лопсан, 2009: 82–83). Тем не менее, ученый отмечает, что два длинных пера, венчающих последний, на кончиках имеют *ыдык* ‘святыню’, которая состоит из лоскутов белого и красного цвета (Кенин-Лопсан, 2009: 83). Такой же *ыдык*, по его словам, должен был быть прикреплен к кончикам медных рогов на головном уборе (там же: 82), к верхней части рукоятки бубна (там же: 84). Белые лоскуты (*ак чүве* ‘белая вещь, белая штука’) должен был привязывать к правому рукаву плаща шамана каждый приглашающий его (таким образом, с каждым годом число лоскутов увеличивалось) (там же: 81). К месту под названием *шенек байлаа* ‘богатство локтя’ прикреплялись три белые ленточки (там же: 81).

М. Б. Кенин-Лопсан также указывал, что если шаман имел родословную небесного происхождения, то ему необходимо было сделать *ээрэн* — радугу из пяти разноцветных ленточек: белой, красной, синей, голубой и серой ткани (там же: 96). Длина каждой ленты была около метра, ширина — около 6 см. Другие описываемые ими *ээрэн* также имели разноцветные ленты, некоторые даже составляли кисти *салбак* (там же: 98).

Ленты *чалама*, по описаниям С. И. Вайнштейна, висели на вершине кедрового шеста, установленного около входа в чум шамана и где тот совершал обряд *саң салыр* ‘освящение огня’ (Вайнштейн, 1961: 185). Л. П. Потапов также отмечал наличие цветных лент *чалама*, развешанных на дереве, под которыми сидели и камлали шаманы (Потапов, 1969: 353).

По сведениям участников Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, совершившей комплексную поездку в Туву в 1957 г., например, в Монгун-Тайге проводился обряд «коже тагыр» для излечения тяжело болеющего человека. В этом случае моление устраивалось шаманом перед *кожээ* — каменной бабой (отсюда и название моления, указанное в старом написании; корректнее — *кожээ дагыр*). Во время моления больного опоясывали веревкой с лентами *чалама*, которую пропускали через плечи, грудь и голову. После камлания веревку с *чалама* снимали с больного и надевали на статую, считая, что так она принимает на себя болезнь².

¹ Алтайский этнографический словарь / редколл.: Н. В. Екеев (отв. ред.), Э. В. Енчинов (науч. ред.), С. В. Абысова, Д. А. Аткунова, М. С. Дедина, С. Д. Дилекова, Т. В. Метреева, Э. Г. Торусhev, А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2023. С. 328.

² Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции / отв. ред.: Л. П. Потапов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, Ленинградское отд-ие, 1960. Т. 1: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы [1957–1958]. С. 219.

Тем не менее *чалама* был не только предметом, который используется шаманом и остается у него или в месте проведения им ритуала. Как указывает М. Б. Кенин-Лопсан, каждой юрте тувинца, по указанию шамана, полагалось иметь *Сүлде Чаламазы ээрен* ('Идол Чалама для спасения души человека', как перевел его сам автор (Кенин-Лопсан, 2009: 106)), т. е. *Чалама* для души. Он должен был защищать вход юрты от всего дурного, от всяких бед и несчастий, от дурного глаза. Состоял из шнурка с разноцветными ленточками, посреди которого висела белая широкая лента.

К группе лент *чалама* мы отнесем любые разноцветные ленты, повязки, нити, используемые как шаманами, так и обычными людьми и для ритуалов, и для повязывания во время и после различных обрядов. Не всегда они в повязанном виде могут свисать свободно (как это обычно происходит с *чалама*), а могут скручивать между собой, оборачивать различные предметы (кожаные жгуты, рукоятки и пр.). Ленты также могут носить определенную ритуальную семантическую нагрузку. Один из таких примеров был приведен выше в связи с описанием С. И. Вайнштейна.

К этой группе, ориентируясь на выделяемый нами критерий ритуальности, мы не будем относить украшения на одежде (кожаные полосы, ленты и нитки с бусинами), особенно женской, напр., *чавага* (накосное украшение из нитей и бусин). Однако особым видом ритуальных повязок можно назвать обереги, изготовленные шаманами, которые носятся на теле или одежде человека: скрученные нитки (напр., браслеты для запястья) (см. с иллюстрациями: Кириленко, 2020), мешочки с кистями на веревке (на шею), поясок из скрученных, сплетенных нитей и пр. (часто их носят так, чтобы они были прикрыты, не были видны чужому глазу); обереги, предназначенные для дома, автомобиля (автотранспорта), также плетеные ленты с привязанными к ним костями домашних животных на ритуальных местах, призванные оберегать *аал коданы* 'место, где находится аал'.

Во-вторых, *кадак* (в другом написании *хадак*) (*фото 2*) — тонкий мягкий шелк в форме широкой ленты¹. В основном, как отмечают авторы Тувинско-русского словаря, главным его предназначением является преподношение важным, почитаемым лицам², что практикуется также у монгол и у других народов.

К.-М. А. Симчит указывает на основное отличие *кадак* от *чалама*: *кадак* — шелковый и по размерам больше³. Такое же отличие есть и у других региональных традиций. Например, Э. В. Екеева описывает алтайские ленты *дыялама* (*кыйра*) также, как явно более узкие, чем *кадак*: 3–4 см шириной и 70–90 см длиной (Екеева, Белекова, 2018: 15).

В тувинской традиционной культуре, как и в других культурах распространения шаманизма, *кадак* нередко считается атрибутом шаманистских верований, причем даже этнографами. Например, Л. П. Потапов описывал шаманский погребальный обряд у тувинцев: «Завертывали тувинцы только тело покойного, а на лицо ему клали *хадак* (шелковый платок), после чего обращали его головой в сторону восхода солнца» (Потапов, 1969: 374).

М. Б. Кенин-Лопсан в описании атрибутов ритуалов шамана называет шелковые платки *кадактар*, которые крепились в отверстие *кузунгу* — специального ритуального зеркала (Кенин-Лопсан, 2009: 92). С помощью шелкового платка *кузунгу* сам крепился к жерди в юрте шамана (там же). С его (*кадак*) помощью, по сведениям автора, шаманы привязывали к себе приобретенное Небесное тело (железный предмет, редкий *ээрен* для особо могущественных шаманов) (там же: 98–99).

Исследователь также упоминает о разновидностях *кадак*, выделяя особо дорогой шелковый с кратким названием *хип*, который, по его словам, в старой Туве приравнялся по стоимости к лучшему скакуну. При этом большой шаман имел специальный *өзек ээрен* (ядро), состоящий из пятидесяти (!) *хип* (там же: 101). Из *кадар хип* также делался *Шагар ээрен* (*Ээрен* «Жалить», в написании автора) (там же: 108). Сам *Шагар ээрен* понимался как злой дух, отличался обидчивостью и суровостью, мог «ужалить» (видимо, вызвать травму, болезнь). Но в его функции входило строгое соблюдение взрослыми и детьми древних обычаев, связанных с культом домашнего очага.

Несмотря на выделение более богатого вида ленты, очевидно, что для простых тувинцев любой *кадак* был дорогим и недоступным предметом, поскольку он завозился из Монголии и Китая. До него,

¹ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. С. Тенишева. М.: Советская энциклопедия. С. 215.

² Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 3. С. 39.

³ Симчит К.-М. А. Лексика шаманизма в тувинском языке : автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2010. С. 15.

Фото 2. Кадаки пяти цветов. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 год.

Photo 2. Kodaks of five colors. Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

как указывает Н. Ф. Катанов, в народе использовали в качестве подарка *дадаазын* (ленту, полосу, которая готовилась из козлиной шкуры) (Катанов, 2011: 329).

Нетувинское происхождение самого изделия говорит нам о том, что он стал заимствованием, был принят в среде тувинских шаманистов и далее стал восприниматься как атрибут шаманизма. Поэтому этнографы не делали особых различий в идентификации традиции. Например, Л. П. Потапов описывал ритуал освящения лошади шаманом. В том числе он указывал, что после окуривания дымом можжевельника (*артыш*) и обмазывания частей тела животного маслом, к гриве, хвосту и удилу затем привязывали и ленты *ыдыы* (ленты святости), и хадаки (Потапов, 1969: 363–364). Также этнограф описал камлание шамана хадаком, а не бубном (там же: 380).

Тем не менее применение шаманами лент *хадак* Н. Л. Жуковская назвала одной из обрядовых инноваций в ходе модернизации шаманства (Жуковская, 1977: 141).

На заимствование указывает и этимология слова. Как подчеркивает Б. И. Татаринцев, ссылаясь на М. Ряснену, это слово не монгольского происхождения, а тибетское заимствование в монгольском языке, откуда оно и было перенесено в тувинский¹. На тибетском языке оно носит название *хада*, на монгольском — *хадаг*. Однако и рассматривать данную традицию исконно буддийской очевидно также не верно. Считается, что традиция молитвенных флагов буддизма сама по себе восходит к древнему, добуддийскому Тибету, к религии Бон (Rabten, 2011: 153). Вероятно, поэтому сами тибетцы воспринимают *хада* как самоценность, как наиболее важный подарок. Так они называют белоснежную материю шириной, как правило, около 20–30 см и длиной до 1–2 м. Ткут ее из пряжи или шелка. *Хада* преподносят всякий раз, когда происходит некое торжественное событие, прибывает важный гость издалека, наносится визит вождю или совершается прощальное путешествие (Юаньпэн, Алексеева, Тинтин, 2020: 26–27).

Впоследствии ритуальные ленты, флаги и пр. стали в тибетском буддизме чрезвычайно распространенными, войдя также в состав буддийской символики (Бир, 2011: 80, 85, 136, 144, 176, 197 и др.).

В Туве и других регионах распространения буддизма как шелковые ленты *хадак*, так и флаги (о них — далее) также стали символами буддизма. Так, рассматривая отдельно шаманский и «ламаистский»² виды похорон, Л. П. Потапов так описывал один из «ламаистских» видов в Эрзинском районе (причем умерший был Камбы-ламой):

«Обряд проходил следующим образом: умершего клали ничком, голым, с остриженными волосами и ногтями; накрывали его белым шелковым покрывалом, на котором золотой краской были написаны

¹ Там же.

² Устаревший термин, т. е. буддийский.

молитвы; поверх покрывала укладывали крестообразно два **хадака** (серого цвета), вытянув нижний вдоль спины, а второй — поперек первого...» (Потапов, 1969: 397; выделено жирным нами. — *Авт.*).

Как уже было сказано выше, исследователи алтайской культуры считают, что у алтайцев с появлением бурханизма *жалама* стали заменять *кыйра* (Шерстова, 2010: 209) — двумя парными ритуальными лентами шириной до 5 см и длиной около 1 м, которые повязывали к ветвям берёзы и лиственницы. Для их изготовления использовали материю трех цветов: белый, жёлтый и синий. Привязывать её на ветви деревьев надлежало с восточной стороны особым узлом, после чего, отойдя на несколько шагов, принять особую позу и, стоя лицом на восток, произнести молитву¹.

В-третьих, *буддийские флаги и флажки*, которых в целом у тибетского буддизма насчитывается большое количество видов. Мы здесь только остановимся на наиболее распространенном в Туве — *хей-аът тук* 'флаге вдохновения'² (*фото 3*), тиб. *rlung rta*, монг. *хий морь*, бур. *хиу морин*, калм. *ки мөрн*.

Хей-аът туктар представляют собой горизонтальные флажки пяти цветов (белый, желтый, красный, синий и зеленый). Конь ветра признан символом тибетского буддизма в образе коня, несущего на спине *чинтамани* — драгоценность, исполняющую желания и приносящую благополучие. Как пишет Т. Рабтен, *rlung* означает воздух, который пронизывает все пространство и является одним из пяти важных элементов жизни (остальные: огонь, земля, железо, дерево). Благодаря ему могут жить и расти все люди, животные, растения. А лошадь символизирует идею о том, что люди могут достичь всего, что пожелают, без каких-либо препятствий, и тем самым могут увеличить свою удачу (Rabten, 2011: 153–154).

Фото 3. Хей-аът туктар 'флаги коня ветра' пяти цветов. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 год.
Photo 3. Hey-аът tuktar 'flags of the wind horse' of five colors. Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

Н. Ф. Катанов упоминает о флаге *хей-аът тук*, а также в целом о буддийских лентах, флажках в обрядности тувинского буддизма XIX — начала XX в. (Катанов, 2011: 253, 164, 175). Тем не менее, очевидно, что массовое распространение эти флаги также приобрели уже в современности. Помимо него используются и флажки с изображениями буддийских божеств, с нанесенными буддийскими мантрами.

Более того, очевидно, уже локальной вариацией заимствования стали так называемые родовые флаги — *аймактың хей-аът тугу* (*туктары*). Они в несколько раз больше обычных *хей-аът туктары* и предназначены для прикрепления на высокие шесты. Встречаются отдельно стоящие длинные шесты с родовыми флагами, также можно увидеть парно установленные шесты или образующие композицию с несколькими шестами вместе с оваа разных конфигураций. Так, на подъезде села Тарлаг Пий-Хем-

¹ Алтайский этнографический словарь / редкол.: Н. В. Екеев (отв. ред.), Э. В. Енчинов (науч. ред.), С. В. Абысова, Д. А. Аткунова, М. С. Дедина, С. Д. Дилекова, Т. В. Метреева, Э. Г. Торусhev, А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2023. С. 188, 189, 328.

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. С. Тенишева. М.: Советская энциклопедия. С. 473.

ского района установлены остроконечные столбы, обязанные цветными шелковыми лентами *кадак* и шесты с *аймактың хей-аът туктары*.

Таким образом, мы выделяем три группы ритуальных лент и флагов разного происхождения (*чалама*, *хадак* и *хей-аът тугу*), которые на сегодня наиболее часто используются тувинцами. Если относительно *чалама* можно сказать, что они имеют древнее происхождение и связываются с исконной шаманистской религией региона, то две другие группы являются культурными заимствованиями. Тем не менее история их распространения в тувинских обрядах уже достаточно длительная настолько, что сами тувинцы и даже ряд исследователей считают их традиционными тувинскими.

Объекты повязывания

Для того, чтобы максимально полно охватить вниманием все распространенные варианты использования ритуальных лент и флагов в Туве, мы снова условно сгруппировали наш материал по объектам повязывания.

Во-первых, это объекты шаманистских древних культов: освященные горы, аржааны (водные целебные источники), вершины горы, перевалы, места у реки, каменные идолы и пр. В таких случаях ритуальные ленты используются в связи с преклонением перед духами мест (гор, рек и пр.), освящением и повязываются в местах проведения ритуалов преклонения, освящения (Кенин-Лопсан, 2006: 90-109).

Чаще всего речь идет о специальных конструкциях из жердей, воткнутых в каменные насыпи *оваа* (т. е. в сочетании *оваа* и шалаш), но бывают и самостоятельные святыне шалаша без *оваа*, но с его значением, которые М. Б. Кенин-Лопсан так и называет — шалаш-*оваа* (там же: 100), вход которого должен смотреть в сторону солнца.

В комбинированных конструкциях шалаш-*оваа* камни подпирают отдельные одиночные жерди, вставленные или строго вертикально или с небольшим наклоном.

Например, конструкция на гребне горы мыса Виланы, у слияния рек Пий-Хема и Каа-Хема, состоит из одиночной длинной палки, вертикально уставленной, а две остальные направлены в сторону, полностью покрытые *кадаками* и флажками *хей-аът туктары* (фото 4). На земле виднеются несколько жердей, которые служат основой, подпираемые камнями в виде *оваа* несколько поодаль от самой конструкции. По всей видимости, эта конструкция появилась недавно, с установкой статуи Будды.

К ним могут крепиться еще несколько жердей, связанные между собой на вершине в виде конуса.

Ярким примером такого сооружения является шалаш-*оваа* в местечке Кундустуг на правом берегу Енисея к западу от города Кызыла (фото 5). Жерди нижними концами упираются в землю, другими — смыкаются в центре. По кругу скоплены крупные и мелкие камни, служащие надежной опорой для нижних шестов. Обычно в таком сооружении 2–3 шеста выделяются, зрительно удлиняя и поднимая всю композицию ввысь.

В последние годы распространились и горизонтальные конструкции, удобные для повязывания на одной высоте (фото 6), примыкающие к шалашу-*оваа*. Например, одну из таких можно наблюдать на перевале Бичии-Арт (или Бай-Дагский) в Тес-Хемском районе.

Вертикально-горизонтальные способы повязывания стихийно возникают и в местах поклонения каменным идолам (*кожээ*), вокруг которых строятся навесные покрытия, а также окружающие их решетчатые заборы (тогда все заборы начинают пестреть лентами).

В некоторых местах *оваа* можно встретить и двойные конструкции — старые и новые. В Чаа-Хольском районе в местечке Бойш-Даг (фото 7) на горе установлен *оваа*. Данное место часто посещается, поэтому появилась необходимость доработать конструкцию *оваа* так, чтобы он имел дополнительные, добавленные приспособления для привязывания ритуальных ленточек. Основная жердь имеет наклон примерно 45 градусов и направлена в сторону спуска горы. К центральной жерди привязаны длинные веревки, которые отходят в разные противоположные стороны, привязанные на вертикально укрепленные и вкопанные в землю железные трубы, которые в свою очередь завалены камнями. Протянутые веревки сплошь закрыты цветными веревками, *кадаками*. Тут же можно увидеть отдельно вертикально установленные железные трубы, вкопанные и заваленные камнями, от которых отходят тонкие жгуты-веревки, на которых привязаны буддийские флажки, цветные ленты, лоскутки, свободные и плетенные *кадаки*.

Фото 4. Сооружение для повязывания ритуальных лент в местечке Виланы на мысе у слияния рек Пий-Хема и Каа-Хема.
 Фото Ч. Х. Санчай, 2022 г.
 Photo 4. A structure for tying ritual ribbons in the town of Vilany on the cape at the confluence of the Biy-Khema and Kaa-Khema rivers.
 Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2022.

Фото 5. Конструкция шалаш-оваа в местечке Кундустуг для повязывания ритуальных лент на правом берегу Енисея к западу от Кызыла. Фото Ш. Б. Майны, 2023 год.
 Photo 5. The construction of shalash-ovaa in the town of Kundustug for tying ritual ribbons on the right bank of the Yenisei to the west of Kyzyl. Photo by Sh. B. Maina, 2023.

Фото 6. Горизонтальная конструкция жердей рядом с шалаш-оваа для повязывания ритуальных лент на перевале Бичии-Арт, Тес-Хемский район. Фото Ч. К. Ламажаа, 2019 г.
 Photo 6. Horizontal construction of poles next to shalash-ovaa for tying ritual ribbons on the Bichii-Art Pass, Tes-Khemsy Rayon. Photo by Ch. K. Lamazhaa, 2019.

Фото 7. Оваа в местечке Бози-Даг в Чаа-Хольском районе с добавленными приспособлениями для привязывания ритуальных ленточек. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.
 Photo 7. Ovaa in the place of Bosh-Dag in the Chaa-Khol Rayon with added devices for tying ritual ribbons.
 Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

Фото 8. Оваа типа шалаи-юрта в местечке Чаламалыг арт вблизи поселка Иштии-Хем в Улуг-Хемском районе. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.
 Photo 8. Ovaa of hut/yurt type in the place of Chalamalyg art near the village of Ishtii-Khem in the Ulug-Khem Rayon.
 Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

Фото 9. Конструкция для повязывания лент около ступы, близ Устуу-Хурээ и г. Чадан. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.
 Photo 9. Construction for tying ribbons near a stupa, in the vicinity of Ustuu-Khuree and Chadan. Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

Помимо шалашей-оваа, а также горизонтальных жердей, совсем недавно появились и шалашы-юрты. Яркий пример этого типа конструкции установлен вблизи поселка Иштии-Хем Улуг-Хемского района. Сооружение состоит из основного центрального столба, который специально для этого подготовлен и срублен (фото 8). Центральный столб обкладывается камнями, образуя кучу с массивными камнями. От него по периметру круга устанавливаются другие срубы, но потоньше в количестве 8 штук, которые также воткнуты в землю. Основной столб соединен длинными жердями с каждой из 8 вертикальных столбов. Жерди крепятся от центра по наклону. Все столбы соединяются по кругу несколько тонкими обтёсанными жердями. Открытым оставляется лишь пространство для входа с восточной стороны.

Во-вторых, еще одним шаманистским наследием можно рассматривать ритуалы повязывания лент на освященных животных.

Об этом подробно пишут М. Б. Кенин-Лопсан (Кенин-Лопсан, 2006: 131–133), а также С. Ч. Донгак (Донгак, 2018). Животные становились *ыдык мал* ‘освященным скотом’, считались животными небесного происхождения и были неприкосновенными (напр., женщины не могли прикасаться к ним; на освященном коне ездить мог только его хозяин и пр.). Чтобы их отличать от других животных в стаде, им привязывали белые и синие ленты *чалама* (там же: 33–34; см. также: Мал-маган ..., 2023). Кадаки также использовали. Но С. Ч. Донгак делает отличие в повязывании *чалама* и *кадак*: если, например, конь был посвящен буддийскому защитнику, то ему повязывали шарф *кадак* (там же: 39). В целом она подчеркивает, что кадаки были в практике именно у лам (там же: 45), в остальных случаях упоминаются только *чалама*.

Сегодня, по нашим наблюдениям, а также данным наших информаторов из разных районов республики, практика освящения животных с повязыванием им лент еще встречается в Бай-Тайгинском, Кызылском, Тоджинском районах (см. фотоиллюстрации: Мал-маган ..., 2023: в печати).

В-третьих, ритуальные ленты широко используются для повязывания в местах преклонения перед буддийскими сооружениями — возле храмов, ступ, священных мест. В этих случаях устанавливаются специальные шести, между которыми растягиваются канаты для повязывания, чтобы паломники могли оставлять там свои ленты и не трогать ступы (фото 9). Однако бывают и случаи, что ленты, очевидно, по недогаду, могут даже перекрывать строение ступы, будучи привязанными за любой удобный для этого выступ. Такую буквально перевязанную почти целиком ступу мы наблюдали, например, у подножия г. Хайыракан в 2014 г.

Если взглянуть на вариации, способы повязывания лент у храмов, строений и святых мест, связанных с буддийским верованием, можно отметить отсутствие специфических особенностей между способами повязывания лент — у шаманистских объектов, и у буддийских. Разве что у буддийских — больше буддийских флажков. Но и там, и там очень много кадаков.

Например, прихожане-буддисты могут даже повязать шелковые шарфы просто на кованный забор или ворота храма. Мы зафиксировали такие повязки на заборе храма Цэченлиг в г. Кызыле (фото 10). Такую же практику — повязывания молитвенных флажков на ограду здания и ворота главного храма Калмыкии «Золотой обители Будды Шакьямуни» — описывает А. М. Лиджиева (Лиджиева, 2019: 80).

Религиозный синкретизм, отличающий картину традиционных верований местного населения Тувы, и который можно увидеть и в практиках подвязывания ритуальных лент, хорошо заметен, например, в местечке под названием *Бурган изи* ‘След Будды’, обнаруженном в 1990-х гг. на одной из скал вблизи с. Целинное Кызылского района.

Как подчеркивается в истории о достопримечательностях района на официальном сайте муниципалитета, по легенде, когда Далай-Лама XIV пролетал над Тувой, то он увидел на земле светящийся свет, исходящий от села. Об этом Его Святейшество потом сообщил местным буддистам. Ламами этот след был вскоре обнаружен вблизи села Кур-Чер (Целинной) и Шамбалыг в местечке под названием Чараш кыштаг (‘Красивый зимник’). После этого началось паломничество сначала жителей близлежащих сел, а потом и буддистов со всей республики¹.

Популярность этого места становится сразу визуально заметной при приближении к горе, поскольку вся ее верхушка пестрит деревьями, кустами в разноцветных лентах (фото 11). Идентифицировать

¹ Достопримечательности Кызылского кожууна [Электронный ресурс] // Администрация Кызылского кожууна. Официальный сайт. URL: <https://kuzulsky.rtyva.ru/node/2129/> (дата обращения: 12.08.2023).

Фото 10. Кадаки, повязанные на заборе храма Цэченлиг в г. Кызыле. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.
Photo 10. Kadaks tied on the fence of the Tsechenling temple in Kyzyl. Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

Фото 11. Местечко След Будды возле с. Целинное, Кызылский район. Фото Ч. К. Ламажаа, 2014 г.
Photo 11. The place of the Buddha's Footprint near the village of Tselinnoe, Kyzyl Rayon. Photo by Ch. K. Lamazhaa, 2014.

Фото 12. Дерево с повязанными лентами всех типов. Местечко След Будды возле с. Целинное, Кызылский район. Фото Ч. К. Ламажаа, 2014 г.
Photo 12. A tree with tied ribbons of all types. The place of the Buddha's Footprint near the village of Tselinnoe, Kyzyl Rayon. Photo by Ch. K. Lamazhaa, 2014.

Фото 13. Ленты чалама, привязанные к перилам моста через речку в Улуг-Хемском районе. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.
Photo 13. Chalama ribbons tied to the railings of the bridge over the river in the Ulug-Khem Rayon. Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

это место однозначно как именно буддийской святыни, а не шаманистского освящения, на первый взгляд довольно затруднительно.

И хотя буддийские флажки *хей-аът туктары* ‘флаги с конем ветра’ встречаются и в местах языческого поклонения духам мест, тем не менее, конечно, таких флажков гораздо больше в местах буддийских святынь. Они перемежаются и с *чалама*, и с кадаками. Такой пример смешения видов лент, в том числе буддийских флажков, не только *хей-аът туктары* на одном объекте — можно увидеть на одном из деревьев в том же местечке След Будды (фото 12).

Мы видим, что паломники начинают повязывать ленты без каких-либо правил на все удобные места (шесты, жерди, ветки растений, выступы камней и пр.), практически не различая шаманистский или буддийский тип объекта преклонения. Главное, что у них есть объект поклонения, молитв.

В-четвертых, такой «расширительный подход» к объектам преклонения, особенного значения в итоге привел к тому, что население стало повязывать ленты не только к тому, что на первый взгляд не связано с религиозными верованиями. Среди объектов повязывания появились и совершенно нерелигиозные: общественные пространства, мосты (фото 13), заборы, деревья, ворота, заборы возле учреждений. Такие случаи, например, ритуальные ленты, повязанные к строению моста, фиксируются и в других регионах, к примеру, в Монголии (Петров, 2006: 123).

Можно было бы предположить, что это связано с традиционной тувинской культурой, элементы которой сегодня для населения стали активно приобретать значение святости. Как мы уже фиксировали, без специальных ритуалов и обрядов им часто придается значение *ыдык* ‘святыни’ (см.: Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023). Тем не менее, очевидно, что во многих случаях мы можем найти религиозные причины такого поведения. Ряд объектов содержит отголоски представлений о наличии духа этого места, например, духа реки, на котором построен мост: «Это очень греет душу: когда человек не просто проезжает мост, а вспоминает, что под этим мостом течет вода, несущая жизнь степному пространству» (Петров, 2016: 123).

Подвязанные ленты на дереве у Дома народного творчества в г. Кызыле (фото 14), например, были объяснены одним из наших респондентов З., 2001 г.р., студентом, тем, что из одного корня выросли разные виды деревьев — такое прорастание считается явлением особенным, что это шаманское место, место особой силы. Кто-то из тувинцев или знал об этом месте, или заметил, возможно, проведя соответствующий обряд.

А. М. Лиджиева выделяет в особую группу объектов повязывания молитвенных буддийских флажков в г. Элисте места кратковременного отдыха горожан, а также достопримечательности, где бывают туристы (Лиджиева, 2019: 81). По ее мнению, это связано с потребностями людей (идеей личной значимости мест) и их досуговым поведением: «... пошли гулять — заодно и повесили ленточку/флажок на удачу» (там же). Но мы полагаем, что речь все же идет не о досуговом поведении; необходим более тщательный анализ.

В эту же группу объектов можно отнести и объекты в домашнем пространстве, которые тувинцы (как и представители других этносов, поддерживающих эту традицию) также украшают и лентами, и шелковыми шарфами, и буддийскими флажками *хей-аът тугу*. Так, они размещаются часто в дверных проемах, на карнизах, балконах, над воротами, между козырьков (подобное у калмыков описывает А. М. Лиджиева (там же: 82)). Внутри помещений ленты используются в так называемых «красных уголках» — уголках, где находятся святые изображения, фигурки Будды, различных буддийских божеств, курительницы и пр. (Трофимова, 2013).

Фото 14. Ленты *чалама* на дереве возле Дома народного творчества, г. Кызыл. Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.

Photo 14. Chalama ribbons on a tree near the House of Folk Art, Kyzyl. Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

В-пятых, также расширение практики подвязывания ритуальных лент отразилось и на сувенирной продукции, которая в последние годы в ответ на спрос стала активно развиваться в Туве. Готовые изделия ритуального назначения сразу продаются с ленточками самых разных видов, размеров (напр., *тос-карак* ‘девятиглазка’, т. е. ритуальная ложка с 9 углублениями для разбрызгивания молока, уже упоминавшиеся нами выше обереги и др.). Также мастера стали готовить и предлагать для населения более сложные варианты ленты — уже переплетенные (*өрүп каан*), буквально косы *чалама* — для подвязывания в святых местах (*фото 15*). В сувенирных и специализированных киосках при буддийских монастырях можно встретить и пучки лент, предназначенные для шаманов.

Еще одной приметой времени в этой же тенденции популяризации стал перенос ее на моду и искусство. Там, конечно, речь идет уже не о ритуале, а о художественном осмыслении (образы шаманов в постановках), а также о модном веянии, когда ритуальные ленты теперь стали частью этномоды (костюмы, предметы украшения).

И, в-шестых. Поскольку изначальным вариантом использования шарфов *кадак* был вариант преподнесения в дар, то следует упомянуть и людей как объекты, которым издавна и ныне тувинцы преподносят эти шарфы. Нередко на ткань кладется подарок. Порой сам шарф накидывается преподносящим на шею одариваемому. Это делается в особых случаях встречи почетного гостя, во время церемониалов, в том числе на свадьбах, семейных торжествах и обрядах, во время праздников, в том числе Шагаа, Наадым и пр. Стало своего рода правилом для тувинцев всегда иметь дома несколько шарфов на такие случаи. Те, кто часто на автомашинах колесят по дорогам Тувы, держат ленты в бардачках транспортных средств. Ну а ряд организаций, в том числе учреждений культуры, администрации ведомств и вовсе закупают оптом специальные шарфы для приемов как в Кызыле, так и для вручения подарков во время визитов официальных лиц за пределами Тувы.

Фото 15. Переплетенные ленты *чалама* в продаже.
Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.

Photo 16. Intertwined *chalama* ribbons on sale.
Photo by Ch. Kh. Sanchai, 2023.

Мы видим, что для повязываний используются ленты самых разных видов (*чалама*, простые лоскуты, ленты, а также *кадаки*). Если раньше для этого в 1990-е гг., когда этническая культура получила свободу самовыражения, люди сначала использовали любые лоскуты ткани, которые готовили заранее (нарезая, разрывая из имеющихся кусков материи), то сегодня достаточно приобрести готовые *кадаки*. Они сейчас в изобилии продаются в разных киосках, сувенирных магазинах, в лавках при храмах. Ранее бывшие большой ценностью сегодня эти предметы стали повседневными вещами для всего населения. Диапазон их стоимости широкий: от 50 руб. за самые простые до 500 руб. за изделия из более прочных тканей с рисунками, в том числе буддийского содержания.

Повязывание производится не только на специально подготовленные по традиционным меркам жерди (высохших стволов, ветвей, специально обработанных, очищенных стволов срубленных деревьев), но и на нетрадиционные железные прутья. Кроме того, в 1990-е годы и в начале 2000-х стало практиковаться повязывание на живые деревья, что встречается порой и сегодня (о чем мы отдельно скажем далее). Кроме того, можно отметить, что в конструкциях для повязывания появились и тенденции удобства: они устанавливаются так,

Повязывание производится не только на специально подготовленные по традиционным меркам жерди (высохших стволов, ветвей, специально обработанных, очищенных стволов срубленных деревьев), но и на нетрадиционные железные прутья. Кроме того, в 1990-е годы и в начале 2000-х стало практиковаться повязывание на живые деревья, что встречается порой и сегодня (о чем мы отдельно скажем далее). Кроме того, можно отметить, что в конструкциях для повязывания появились и тенденции удобства: они устанавливаются так,

чтобы людям не надо было высоко и далеко тянуться, чтобы жерди были достаточно длинными для одновременно большого числа лент.

Распространение традиции повязывания ритуальных лент подкрепляется специальными акциями, проводимыми учреждениями культуры и посвященными *чалама*¹. Например, органы ЗАГС в сотрудничестве с Центром традиционной тувинской культуры и ремесел Республики Тыва дают наставления о том, как правильно не только преподнести *кадак*, но и принимать его².

Смысл повязывания

Прежде всего звучное слово *чалама* в тувинской лингвокультуре «перешагнуло» за пределы значения лент. Еще в прошлом оно прочно вошло в топонимию — стало распространенным для обозначения рек, перевалов, гор в Тыве. Например, в Тоджинском районе есть *Чаламалыг-Арт* ‘перевал с *чалама*’ (Ондар, 2004: 219). Также недалеко от с. Терлиг-Хая в Кызыльском районе есть одна из достопримечательностей всей Тывы — священный камень Чалама, высотой 9 метров. Рядом с ней растут две крупные старые лиственницы: первая побольше (200-летняя, вошла в Национальный реестр старовозрастных деревьев России) и вторая — поменьше³. Между лиственницами протянуты веревки с цветными *чалама*⁴. Последние несколько лет это место силы освящается Кызыльской религиозной организацией шаманов «Адыг-Ээрен» — «Дух Медведя». Здесь проводятся съезды шаманов, к камню совершаются паломничества.

Последними новшествами стало использование термина в различных названиях, торговых марках. В городе Кызыле открылась гостиница «Чалама» с одноименным кафе. Нам встречались и кулинарные рецепты пирогов под названием «Чалама».

Заметным событием в культурной жизни стало появление музыкальной группы «Чалама» вслед за сольным альбомом «Чалама» (2013) музыканта Радика Тюлюша («Ят-Ха», «Хун-Хурту»)⁵.

Как рассуждает Р. Тюлюш, отвечая на вопрос интервьюера,

«слово “чалама” — древнее, присутствует во всех тюркских языках, это некое действие, ритуал, когда яркие красные ленточки повязывают на дерево в священном месте “оваа” в Тыве. Ритуал помогает человеку получить благословение духов местности, когда он переходит перевал, достигает высшей точки. Это состояние, когда ты прошел свой путь, некое очищение. Своим проектом, своим альбомом, я тоже делаю подношение духам музыки от своего имени и от имени всего тувинского народа — повязываю свою “чалама” на большое мировое культурное дерево»⁶.

¹ Например: Акция «Чалама» [Электронный ресурс] // Сайт органов местного самоуправления города Кызыла. 2018, 22 января. URL: <https://mkyzyl.ru/about/info/news/11647/> (дата обращения: 12.08.2023); в программе фестиваля шаманизма в 2023 г. входил обряд плетения чалама, см.: В Тыве состоится II всероссийский фестиваль шаманизма [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2023, 17 августа. URL: https://rtuva.ru/press_center/news/activity/53504/ (дата обращения: 22.08.2023); Мероприятие «Чалама — символ благопожеланий» [Электронный ресурс] // Министерство культуры Республики Тыва. URL: <https://culture-tyva.ru/uncat/meropriyatye-chalama-simvol-blagopozhelanii/> (дата обращения: 12.08.2023).

² Обычай преподнесения кадака (хадака) [Электронный ресурс] // Органы ЗАГС Министерства юстиции Республики Тыва. URL: <https://uzags.rtyva.ru/events/6534/> (дата обращения: 12.08.2023). Сам Центр тувинской культуры подготовил видеосюжет о церемонии: Обычай преподнесения кадака [Электронный ресурс] // YouTube.com. Tuvan Cultural Center / Центр тувинской культуры. 2020, 16 декабря. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m9KPKkQizVc> (дата обращения: 12.08.2023).

³ Вид дерева: Лиственница (*Larix* sp.) [Электронный ресурс] // Всероссийская программа «Деревья-памятники живой природы». URL: https://treeportal.ru/index.php?option=com_adsmanager&page=show_ad&adid=566&catid=1&Itemid=85 (дата обращения: 12.08.2023).

⁴ Есть такой камень ... / подгот. И. Владимирова [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2021, 5 марта. URL: <https://tuvpravda.ru/novosti/est-takoi-kamen/> (дата обращения: 12.08.2023).

⁵ Помимо него в тандем входят еще два профессиональных музыканта: Геннадий Лаврентьев и Сергей Калачёв. См.: Радик Тюлюш: «Проект «Чалама» — это дитя современного состояния традиционной тувинской музыки» / А. Ржевина (корр.), Р. Тюлюш [Электронный ресурс] // Jazz-квадрат. 2015, 1 сентября. URL: <https://jazzquad.ru/index.pl?act=PRODUCT&id=4242> (дата обращения: 12.08.2023). Канал проекта на YouTube: <https://www.youtube.com/channel/UCO8IghU-FuMXtfVBmZw61zA>

⁶ Радик Тюлюш: «Проект «Чалама» — это дитя современного состояния традиционной тувинской музыки» [Электронный ресурс] // Jazz-квадрат. 2015, 1 сентября. URL: <https://jazzquad.ru/index.pl?act=PRODUCT&id=4242> (дата обращения: 12.08.2023).

Какие смыслы сами тувинцы придают подвязыванию ритуальных лент, различают ли они их? С этими и другими вопросами мы обратились к нашим респондентам — тувинцам разных возрастов и рода деятельности. В целом наши расспросы показали, что тувинцы, особенно молодые, не делают различий между лентами, не знают истоков традиций, не знают предназначения лент и особенностей их повязываний, они только стараются выполнять требования, наказы шаманов, когда понимают, что в их жизни происходит что-то неправильное и надо обратиться за помощью к священнослужителям.

Например, на вопрос о том, что такое *чалама*, нам отвечали:

Б., 1994 г. р., уроженка с. Ээрбек Кызылского района:

— *Ыдыктыг чүве деп билир мен. Чалама деп чер билир мен. Баян-Колда Чалама деп ыдыктыг даг бар. Чалама дээрге терекке пөстер шарыыр деп билир мен.*

— Знаю, что это святое, освященное. Это может быть место *чалама*. Например, в Баян-Коле есть святая гора Чалама. Еще знаю, что это завязывание разноцветных лент на дерево или на специальное приспособление.

М., 1991 г. р., уроженка с. Саглы Овюрского района:

— *Эки билбес мен, аал чорааш бир ыяштарга, дыттарга баглаар чүве деп билир мен. Өвүрде Солчурда Чалама дээр аалдарлыг чер ады билир мен. Чижээ, бо улустуң аалы Чаламада, деп турарын дыңнаан мен. Пөстер шарыыр ыдык ыяшты чалама деп турар деп бодап турган мен, ол кезек черни Чалама деп адаар болган.*

— Не знаю хорошо, знаю лишь, это святое дерево или место, где вешают разноцветные ленты. Знаю, что есть в селе Солчуре Овюрского района местечко Чалама. Слышала, что там находятся летние чабанские стоянки. Раньше думала, что *чалама* — это святое дерево с разноцветными лентами, позже поняла, что так называют и близлежащую местность.

У представителей зрелого возраста также нередко путаница представлений о том, что такое *чалама*, чем он отличается от *кадак*.

М., 1995 г. р., житель с. Хандагайты Овюрского района:

— *Чалама дээрге ийи кыдынга ыяш тургускаш кадактар азар чүүл, аңаа туктар база азар. Чанынга чадырланчак оваа база турар. Өвүр кожуунуң Улаатай хеминиң артында хаялыг дагда Хос-Терек деп чер бар. Ооң иштинге өрттедип каан хой бажын, дөрт дуую, хамык аыш-чемниң дээжизин салып турган. Аңаа чалбарып, тейлеп, багай кылган чүүлдерин шуптузун иштинден үндүр чугаалап, сеткилиниң ханызындан бүзүрөп, аймактың өгбелери чедип келген катый чугаалажып, хөглөп турар деп сүзүглөп диленир. Тейлээн, диленген соонда шупту чүве бүдөр, чорук-херек бүдүңгүр боор.*

— Чалама — это специальные сооружения для кадаков в виде деревянных стоек, куда завязывают и флажки. Рядом возводят и курган в виде чума. В Овюрском районе за скалистой горой за рекой Улаатай есть местность Хос-Терек. Во внутрь кургана клали закопченную баранью голову и делали всякие подношения в виде белой пищи. Надо ей поклониться, признаться за содеянные плохие поступки, от души верить, просить, что пришли старейшины рода вместе разговаривать и веселиться. После этого дела пойдут хорошо, всё будет благополучно.

К., жен. 1977 г. р., жительница с. Успенка Тандинского района:

— *Мен бодаарымга, чалама дээрге беш аңгы өңнүг кадактарны чүдүлге ёзугаар тейлеп азар ыяшты ынча дээр, чүге дизе оон эки чүүлдү чалап ап турарым ол. Кадактар бүрүзү өң чүзүнү-биле ханы утканы илередип турар. Чижээ, ак кадак ак сагышты, эки ак бодалдарны, келир үеже өөрүшкүлүг күзелдерин илереткен, сарыг өңнүг кадак сарыг-шажынны, чырыткылыг Далай-Лама башкының өөредиин сөңнеп турар. Ногаан кадак бүгү-ле дириг амылыг бойдусту, көк кадак — көк дээрни, дээр адам — чер ием дээн ышкаш утканы илереткен. А кызыл өңнүг кадак кижиниң чуртталгазын, от-көзүн демдеглен турар. Ынчангааш тывалар шаандан тура бо ханы уткалыг кадактарны хүндүткелдиң демдээ кылдыр бо үеге чедир болгаш ам-даа куда-дойга, байыр-наадымга, улуг арттарга, хүрээлерге азып, тейлеп, экини чалап ап чоруурлар деп бодаар мен. Кадак дээрге өргүл боор, өргүл боорда пөс-таавы талазындан дээжизи боор. Бурганнар, Буддалар, Будда Шакьямуни болгаш өске дээди чүүлдерге өөргүүрге, кижиниң буяны улгадыр демдектер.*

— Я считаю, что *чалама* — это то, к чему с молитвами завязывают религиозные пятицветные кадаки. Чалама от слова *чалап* означает «пригласить», то есть позвать добро. Каждый цвет кадака имеет глубокий смысл. Например, белый *кадак* символизирует чистую душу, чистые помыслы, радостные и светлые пожелания на будущее. Желтый *кадак* связан с желтой религией и учением его Святейшества Далай-

ламы. Зеленый цвет символизирует всю живую природу, синий — синее небо, выражает религиозное значение, как в пословице «Небо — отец, земля — мать». Красный *кадак* связан со стихией огня, означает домашний очаг в жизни человека. Именно поэтому тувинцы испокон веков и до настоящего времени с глубоким уважением и пожеланиями добра используют кадаки во время торжеств, свадебных церемоний, в монастырях, в сакральных местах, например, на перевалах.

Кадак является подношением, причём подношением, связанным с материалом, что означает умножение добра, блага того человека, который преподносит его божествам: Буддам, Будде Шакьямуни и др.

М., 1985 г. р., жительница г. Кызыла:

— В 2020 году наша семья купила дом. Въехали, а там висели *чалама* над входной дверью. Позже их забрала девушка, видимо, дочь прежних хозяев. При этом она сказала, что этот дом хороший. Мы, молодые, не обратили на это внимание. И в мыслях даже не было, что надо пригласить шамана, провести обряд очищения нового жилья. Но в 2022 году в нашей семье стали происходить неприятности. Тогда мама сказала: «Надо пригласить шамана, очистить дом, дочь». Что поделать, пригласила я шамана домой.

По телефону шаман нам подсказал, что надо купить заранее: лоскутки ткани или ленты разных цветов — зеленого, желтого, синего, красного и белого. Я все подготовила. Прежде чем приступить к делу, шаман спросил наши даты рождения и провел обряд. Он окропил молоком эти разноцветные лоскутки и запел их. Затем велел повесить эту *чалама* высоко, сказав: «Этот *чалама* теперь будет тебя оберегать». Я так и сделала.

Ш., 1983 г. р., жительница г. Ак-Довурак:

— Я слышала про *чалама*, но что это такое не знаю. Знаю, что *кадак* надо вешать на высоких местах. Мы вешаем его на больших перевалах по дороге. Мой муж родом из Самагалтая, поэтому по пути в Самагалтай на перевале Калдак-Хамар обязательно завязываем *кадак*. Еще знаю, что *кадаки* бывают разных цветов в соответствии со стихией *менги*.

Как мы видим, тувинцы разных возрастов путают ритуальные ленты и флаги, не слишком хорошо осведомлены в их различиях. Но общее, что можно отметить, заключается в следующем: мотивация подвязывания в основном связывается с просьбами к духам, богам лучшей судьбы для семьи, защиты своих близких, отведения всего плохого, т. е. содержит достаточно распространенные пожелания, которые люди озвучивают в ритуалах и обрядах.

Традиция и экология

В историях наших респондентов также появилась тема изменения практики повязывания. Они признавались, что до недавнего времени привязывали кадаки на живые деревья, но сейчас они стараются этого не делать.

Ч., 1996 г. р., житель Дзун-Хемчикского района:

— *Суг бажы дагыырда черни каскаш, шет адагашты олурткаш аразынга узун ыяш биле тудуштуруп кадааш, кадак азар кылдыр кылыр. Чүге ынчалдыр кылып турар дээрге кадакты чаш өзүп орар ыяшка аспас дээш. Чүге дизе ыяшты боой тудуп өлүрүп болур. Бокталдырбас дээш, эки быжыдыр шарыыр.*

Кадак азар адагаштарны Чөөн-Хемчикке, Чадаана хем эриинге арга иштинге, Өвүрнүң Шивилиг деп черде Кургаг-Адырга кылчып турган мен.

— Прежде чем проводить обряд освещения истока воды *суг бажы дагыры*, с помощью столбиков из лиственницы нужно соорудить специальное приспособление для завязывания кадаков. Почему так делали? Потому что нельзя завязывать *кадак* на живое дерево, так как от этого оно может погибнуть. Кадаки надо туго завязывать к сооружению, чтобы они не падали на землю и не образовывали мусор.

Я сам принимал участие в установке приспособлений для кадаков в Дзун-Хемчике на берегу речки Чадаана в лесу, в Овьуре в местечке Шивилиг на местности Кургаг-Адыр.

Молодежь уже приучается сразу правильно вести себя.

А., 2001 г. р., уроженец м. Ак-Ой Барыын-Хемчикского района:

— *Өгбелерим дагылгазынга чаламаны черге кылырын көргөн мен. Ону кылыр ужуру болза, мээң билип алганым-биле, дагып чоруур черинге ол дириг ыяшты камнап, хей-ат туктары-биле боой шарывайн, аңгы кылып, баглап турар. Дагаан черивисти үрегдеп өлүрбейн, оларны хумагалап, карактап, аштап арыглаар. Кол-ла ужуру ыяш боой шарывайн, аңгы кылып турар.*

— Во время обряда *дагылга* моими предками я видел повязывание *чалама*. Во время обряда *дагылга*, проводимого моими старшими родственниками, я видел, как выполняется повязывание *чалама*. В соответствии с правилами, как я понял, на месте освящения дерева для его сохранения *хей-аьт туктары* подвязывают к другому месту, чтобы не навредить живому дереву. Чтобы также беречь и не засорять место освящения дерева, надо чистить его. Самое главное, чтобы на живые деревья не вешать, отдельно надо сделать.

Как мы уже сказали, повязывание ритуальных лент, которое стало одним из явных признаков религиозного возрождения в Туве в 1990-е гг., в первое время было практически бесконтрольным и чаще всего практиковалось на живых деревьях. Причем такие примеры можно обнаружить и сегодня (фото 16, 17).

Если раньше, в старые времена ленты делались из тканей натуральных и могли не вредить деревьям (истончаясь, разлагаясь и отвязываясь; к тому же их повязывалось не столь много), то сегодня массовое распространение лент из искусственного шелка вкупе с их доступностью и желанием большого числа людей вести себя в соответствии с традициями¹, все это стало приводить практически к экологическим бедствиям. Повязанные ветви, стволы деревьев стали деформировать растения (фото 17). Проблема усугубляется тем, что места повязываний никто затем не убирал. Это привело к тому, что в святых местах стали чахнуть и гибнуть растения, расти горы мусора, в том числе из остатков жертвенной еды, бытовых отходов и груд грязных разноцветных лент.

В 2009 г. директор экологической организации «Арт» А. Куксин с тревогой наблюдал за ростом популярности вершины горы Догээ, к которой была проложена автодорога: улучшилась доступность, увеличилось число посетителей, стали расти шесты для повязки *чалама*. Он написал в местной газете «Центр Азии»: «Считаю, что расчисткой дороги, несомненно, положили начало конца горы в качестве священного объекта. Вопрос — защитят ли оваа гору от материального и духовного загрязнения, если люди будут молчать?»²

Вопросы и волнения общественности стали увеличиваться. Так, журналист О. Дамба-Хуурак в 2013 г. написал большое эмоциональное стихотворение на тувинском языке «Ыдыктыг ыяш» («Освященное дерево»), в котором от лица освященного дерева рассказывал о судьбе растения, о его мечтах, горечи и разочаровании в людях. Оно мечтало жить до 500 лет, но его расположение на перевале, высота и богатство привели к тому, что люди возвели возле него каменную насыпь *оваа*, затем стали устраивать возле него привалы, привязывать ленты, губить растения, в том числе и его самого...³

Наконец, масштаб проблемы разросся настолько, что необходимо стало менять ситуацию. Инициативу взяли на себя священнослужители, журналисты, интеллигенция, активисты, сотрудники муниципальных учреждений. Они начали организовывать и проводить субботники с очисткой загрязненных мест. Например, в июле 2021 г. Управление культуры администрации Улуг-Хемского района совместно с администрацией города Шагонара благоустроили территорию перевала Он-Кум — памятника, посвященного приезду в Туву Его Святейшества Далай-ламы XIV (в 1992 г.). В том числе они привели в надлежащий вид место для повязываний *чалама*, утилизировали пришедшие в негодность ритуальные ленточки и атрибутику, обновили информационный стенд⁴. В сентябре 2023 г. сотрудники Департамента культуры, спорта и молодежной политики мэрии г. Кызыла убрались на тропе горы Догээ, возвышающейся на правом берегу столицы Тувы (см. о Догээ: Кисель, Хаврин, 2009). Они очистили встретившиеся им *оваа* от старых *чалама*, флажков, кадаков, и, конечно, мусора. По их мнению, «такие священные места тоже нуждаются в уборке. Когда флажки и *чалама* висят долго, их уже невозможно отвязать — настолько их обдувает ветер! А такие ленты разрезать нельзя, бросать их

¹ См., напр.: Антупьева Н. В сердце ущелья [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2009. № 24. URL: <http://centerasia.ru/issue/2009/24/2744-v-serdce-uschelya.html> (дата обращения: 25.09.2023).

² Куксин А. Статья ближе к небу. Начало конца горы Догээ [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2009. № 15. URL: <http://centerasia.ru/issue/2009/15/2587-stat-blizhe-k-nebu.-nachalo-konca-gori.html> (дата обращения: 25.09.2023).

³ Ынчан, 2013 чылда ... [Электронный ресурс] // Орлан Дамба-Хуурак. ВКонтакте. 2022, 15 марта. URL: https://vk.com/wall356847763_5577 (дата обращения: 25.09.2023).

⁴ В Туве благоустраивают территорию перевала Он-Кум, посвященного Далай-Ламе [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2021, 23 июля. URL: <https://tuvaonline.ru/2021/07/23/v-tuve-blagoustravayut-territoriyu-perevala-on-kum-posvyaschennogo-dalay-lame.html> (дата обращения: 25.09.2023).

Фото 16. Живые деревья, обвязанные ритуальными лентами, на одном из перевалов Тувы. Фото Ч. К. Ламажаа, 2021 г.
Photo 16. Live trees tied with ritual ribbons on one of the passes in Tuva. Photo by Ch. K. Lamazhaa, 2021.

Фото 17. Живое дерево с деформированным стволом из-за повязки, у источника в п. Иштии-Хем Улуг-Хемского района.
Фото Ч. Х. Санчай, 2023 г.
Photo 17. A live tree with a deformed trunk due to a tying, at a spring in the village of Ishtii-Khem, Ulug-Khem Rayon. Photo by Ch. H. Sanchai, 2023.

в мусор — тоже...»¹. Собранное с *оваа* доставлено в *хурээ*, где такой особый «мусор» сжигают после прочтения специальных молебнов.

Весной 2023 г. в связи с началом паломничеств по святым местам Камбы-Лама Тувы снова напомнил всему населению республики о том, что не следует повязывать синтетические шелковые ленты на живые деревья. Это вредит не только деревьям, но людям, совершающим такие поступки: «Заставлять страдать другие живые существа — это однозначно наказуемое деяние»². Также, в связи с этим Министерство природных ресурсов и экологии Республики Тыва отчиталось о ведении профилактической работы. В кожууны направлены рекомендации по содержанию таких мест: вешивать ленты, кадаки, флажки *хей-аът тугу* необходимо на специальные шесты и стойки в отведенных местах, а не на живые деревья, вешать ленты из простой хлопковой ткани, убирать за собой мусор после совершения обрядов³. В том числе министерство стало практиковать выезды инспекторов на места.

Эти меры явно позволили ситуации меняться в лучшую сторону, что также констатировал с удовлетворением О. Дамба-Хуурак, вспоминая о своем стихотворении десятилетней давности⁴. После поездки по святым местам Улуг-Хемского района в мае 2023 г. мы также можем свидетельствовать о том, что везде появились билборды с перечнем правил поведения, бережного отношения к природе; упорядочились места повязываний лент, не видно больших куч мусора. Тем не менее такие акции не могут быть разовыми, ситуация требует постоянного наблюдения, профилактики и внимания, а также просвещения населения.

Заключение

Таким образом, наше исследование показывает, во-первых, широкую распространенность ритуальных лент и флагов в практике современных тувинцев. Люди применяют ленты и в ритуалах освящения, и после него, и во время поклонений, при встрече с другими людьми в особых случаях. Теперь это не только привилегия шаманов и лам использовать ленты и флаги, но и повседневная практика населения. Это вызвало взрывной рост продаж в ответ на спрос соответствующей продукции, что в свою очередь также приводит к расширению подобной практики. Во-вторых, к сожалению, просвещение населения Тувы относительно разновидностей и предназначения лент и флагов очевидно находится не на высоком уровне. Люди, особенно молодежь, часто путают ленты, шарфы, флаги, не различают их. Их желание только соответствовать традиции помноженное на легкую возможность приобрести недорогие ленты стало приводить к усилению соответствующей «повязочной нагрузки» в святых местах. Массовое, мало регулируемое повязывание лент, флагов губительно отражается на деревьях, а также ведет к росту мусора, к экологическим проблемам.

Если же характеризовать в целом повязывание ритуальных лент и флагов как социокультурное явление, то мы можем с большой уверенностью определить его как проявление этнокультурного неотрадиционализма. Ю. В. Попков рассматривает его как «духовно-практическое явление, характеризующее современное состояние этнической культуры и связанное с преобразованием аутентичной традиции в ее обновленную и адаптированную к актуальным условиям форму путем рефлексии внутренних и внешних условий развития этнокультур в системе синхронно-диахронных взаимодействий этносоциальных субъектов» (Попков, 2023: 212). Причем рефлексия автор понимает не только как осознанную (мыслительную) деятельность субъекта, но и как свойство самой практики, проявляющейся во взаимопроникновении и взаимной адаптации различных ее компонентов (там же: 213). Данное явление развивается хотя и при участии определенных деятелей, активистов (на

¹ На горе Догээ организован субботник [Электронный ресурс] // Культура. Спорт. Молодежная политика. Кызыл. ВКонтате. 2023, 22 сентября. URL: https://vk.com/wall-97744169_9267 (дата обращения: 25.09.2023).

² Камбы-Лама Тувы пояснил, нужно ли вешать кадаки, флажки и ленточки на живые деревья [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2023, 23 мая. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2023/05/23/kamby-lama-tuvy-po-yasnil-nuzhno-li-veshat-kadaki-flazhki-i-lentochki-na-zhivye-derevy.html> (дата обращения: 25.09.2023).

³ Чистота сакральных мест Тувы в зоне внимания Министерства [Электронный ресурс] // Министерство сельского хозяйства и природопользования Республики Тыва. 2019, 23 мая. URL: <https://mpr.rtyva.ru/events/6780/> (дата обращения: 25.09.2023).

⁴ Ынчан, 2013 чылда ... [Электронный ресурс] // Орлан Дамба-Хуурак. ВКонтате. 2022, 15 марта. URL: https://vk.com/wall356847763_5577 (дата обращения: 25.09.2023).

что делают акцент обычно представители конструктивизма в этнологии), тем не менее логика его развития выходит за пределы деятельности отдельных людей, охватывает всю этническую общность, представители которой действуют с намерением развивать этнокультурную традицию, тем не менее уже в новых условиях, с новыми возможностями и в том числе с новыми (не всегда позитивными) результатами этого развития¹. Тем самым это не полный возврат к традиционной культуре, но ее новая фаза развития, которая нуждается в определенной саморегуляции и регуляции, для чего важно в том числе и научное изучение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов, Н. К. (1971) Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск : Якутское книжное изд-во. 175 с.
- Бакаева, Э. П. (2008) Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста : Издательский дом «Герел». 189 с.
- Бир, Р. (2011) Энциклопедия тибетских символов и орнаментов / пер. с англ. Л. Бубенковой. М. : Ориенталия. XX, 406 с.
- Бурнаков, В. А. (2012) Ткань в ритуальной практике хакасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 11. № 5. С. 175–186.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Изд-во восточной литературы. 218 с.
- Вайнштейн, С. И. (1974) История народного искусства Тувы. М. : Наука. 219 с.
- Вайнштейн, С. И. (2009) Загадочная Тува. М. : ООО «Домашняя газета». 416 с.
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.
- Данилова, Н. К., Васильев, В. Е. (2019) Религиозный ландшафт: «сиэл», «салама» и «дэлбиргэ» в ритуальном пространстве в свете изучения эволюции бескровных жертвоприношений народа саха // Общество: философия, история, культура. № 12 (68). С. 30–35. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2019.12.4>
- Донгак, С. Ч. (2018) Мал ыдыктаар тыва ёзулалдар = Тувинские обряды освящения скота. Кызыл : б. и. 52 с. (На тув. и рус. яз.).
- Екеева, Э. В., Белекова, Э. А. (2018) Культурная атрибутика в традиционном мировоззрении алтайцев. Горно-Атайск : БНУ РА «Научно-исследовательский Институт алтаистики им. С. С. Суразакова». 120 с.
- Жамбалова, С. Г. (2023) Ритуальные коновязи сэргэ у бурят в XXI веке // Гуманитарный вектор. Т. 18, № 1. С. 123–132. DOI: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-1-123-132>
- Жуковская, Н. Л. (1977) Ламаизм и ранние формы религии. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы. 199 с.
- Катанов, Н. Ф. (2011) Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества. Кызыл : ТИГИ при Правительстве РТ. 384 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2002) Мифы тувинских шаманов = Тыва хамнарның торулгалары. Кызыл : Новости Тувы. 544 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев : пер. с тув. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 232 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2009) Тувинские шаманы. М. : ООО «ИПЦ «Маска»». 328 с.
- Кириленко, Е. И. (2020) Нить на запястье: тувинский опыт здоровья (по материалам интервью со студентами тувинской диаспоры Томска) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 3–18. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.1>
- Кисель, В. А., Хаврин, С. В. (2009) Гора Догээ как археологический и этнографический памятник Тувы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 101–108.

¹ Подобный пример был нами зафиксирован в неотрадиции мясоедения у тувинцев (Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022).

Курасов, С. В. (2013) Декоративно-прикладное искусство Тибета: символика и структура ритуальных объектов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. № 1–1 (77). С. 104–111.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тувинские обряды дагылга в XXI в. // Этнографическое обозрение. № 2. С. 125–143. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>

Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Ламажаа, Ч. К., Кужугет, Ш. Ю., Монгуш, А. В. (2022) *Хой ээди* для тувинцев. Идентичность, удобство, ответственность // Этнография. № 4 (18). С. 151–174. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д., Монгуш, А. В. (2023) Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–241. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Ли, М. (2019) Традиционный тибетский фестиваль скачек // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : мат. Межд. науч. конф. (Иркутск, 10–16 сентября 2019 г.) / отв. ред. Е. Ф. Серебренникова. Иркутск : Иркутский гос. ун-т. 541 с. С. 304–311.

Лиджиева, А. М. (2019) Молитвенные флажки «ки мөрн» в современной городской жизни калмыков // Magna Adurgit: Historia Studiorum. № 2. С. 76–82. DOI: <https://doi.org/10.22162/2541-9749-2019-8-2-76-82>

Мал-маган. Тувинцы — скот — мясо (2023) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 152 с.

Нанзатов, Б. З., Содномпилова, М. М. (2012) В Монгольской Джунгарии: этнографические зарисовки // Культурное наследие народов Центральной Азии : сб. ст. Вып. 3 / отв. ред. М. М. Содномпилова. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 226 с. С. 5–27.

Ондар, Б. К. (2004) Топонимический словарь Тувы. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. М. Катанова. 256 с.

Петров, Ф. Н. (2006) Образ Монголии: экспедиционные впечатления // Вестник Челябинского государственного университета. № 3 (76). С. 115–133.

Попков, Ю. В. (2023) Этнокультурный неотрадиционализм: рефлексивно-интеграционная теоретическая модель // Этнография. № 3 (21). С. 203–223. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3\(21\)-203-223](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223)

Потанин, Г. Н. (1883) Очерки Северо-западной Монголии : Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником оною Г. Н. Потаниным. Вып. 4. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°. [18], 1026 с.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 404 с.

Соболева, Е. С. (2017) Неотрадиционализм в современной культуре сойотов и бурят Окинского района Республики Бурятия // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 17. Памяти Е. А. Алексеенко / под ред. Е. Г. Федоровой. СПб. : МАЭ РАН. 268 с. С. 109–132.

Терлецкий, Н. С. (2009) Некоторые древние атрибуты мусульманских мест паломничества и поклонения (к вопросу о функциях и символизме *туга*) // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. 2 / отв. ред. Р. Р. Рахимов, М. Е. Резван. СПб. : МАЭ РАН. 396 с. С. 112–149.

Трофимова, Е. А. (2013) Домашний алтарь в тибетском буддизме: символизм и традиции // Буддизм Ваджраяны в России: исторический дискурс и сопредельные культуры / отв. ред. Е. В. Леонтьева. М. : Алмазный путь. 512 с. С. 453–459.

Тува. Родная земля (2023) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. (В печати).

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

Хомушку, О. М. (2005) Религия в культуре народов Саяно-Алтая. М. : Изд-во РАГС. 228 с.

Цэдэв Новаанзоч (2015) Священная гора Сутай и обряды, связанные с ее государственной сакрализацией // Алтай — Гималаи: традиционные знания и инновации в развитии горных и предгорных регионов Евразии : мат. I российско-индийско-монгольского семинара, 19–20 июня 2015 г. / под ред. Н. А. Колпакова, И. В. Фотиевой. Барнаул : Изд-во фонда «Алтай — 21 век». 228 с. С. 63–68.

Чилбакова, А. В. (2017) Символика ритуальных лент алтайцев // Современные проблемы изучения древних и традиционных культур народов Евразии : мат. LVII Российской (с международным участием) археолого-

этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Сургут, 17–21 апреля 2017 г.) / отв. ред. А. В. Кениг. Сургут : Институт археологии и этнографии СО РАН. 412 с. С. 396–397.

Шерстова, Л. И. (2010) Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск : Томский гос. ун-т. 288 с.

Юаньпэн, Х., Алексеева, Г. В., Тинтин, Ц. (2020) Тибетская культура бассейна реки Хуанхэ в творчестве современных китайских художников // ИКОНИ. № 4. С. 25–37. DOI: <https://doi.org/10.33779/2658-4824.2020.4.025-037>

Barker, D. (2003) Tibetan prayer flags: Send your blessings on the breeze. London : Connections Book Publishing Ltd. 64 p.

Gazizova, V. (2021) Sacred heights in the topography of flatlands. Ovaа kurgans in the Kalmyk Buddhist landscape // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines. № 52. DOI: <https://doi.org/10.4000/emscat.4960>

Charleux, I., Smith, M. J. (2021) Introduction // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines. № 52. DOI: <https://doi.org/10.4000/emscat.4919>

Kelényi, B., ed. (2003) Demons and protectors: Folk religion in Tibetan and Mongolian Buddhism. Budapest : Ferenc Hopp Museum of Eastern Asiatic Art. 135 p.

Rabten, T. (2011) A brief discussion of the origin and characteristics of the decorative design on Tibetan *rlung rta* (prayer flags) // Proceedings of the tenth seminar of the IATS, 2003. Vol. 13: Art in Tibet / ed. by E. Lo Bue. xi, 336 p. P. 151–160. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004155190.1-348.66>

Wise, T. (2002) Blessings on the wind: The mystery and meaning of Tibetan prayer flags. San Francisco, CA : Chronicle Books. 64 p.

Дата поступления: 29.09.2023 г.

Дата принятия: 05.10.2023 г.

REFERENCES

Antonov, N. K. (1971) *Materialy po istoricheskoi leksike iakutskogo iazyka [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language]*. Yakutsk, Yakut Publishing House. 175 p. (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (2008) *Odezhda v kul'ture kalmykov: traditsii i simbolika [Clothing in the Kalmyk culture: Traditions and symbols]*. Elista, Gerel. 189 p. (In Russ.).

Beer, R. (2011) *Entsiklopediia tibetskikh simvolov i ornamentov [Tibetan symbols and motifs]* / transl. from English by L. Bubenkova. Moscow, Orientalia. xx, 406 p. (In Russ.).

Burnakov, V. A. (2012) Tkan' v ritual'noi praktike khakasov [Textile in the ritual practice of the Khakas]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologiya*, vol. 11, no. 5, pp. 175–186. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (1961) *Tuvinty-todzhinty. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tozhu Tuvans: Historical and ethnographic essays]*. Moscow, Publishing House of Oriental Literature. 218 p. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (1974) *Istorii narodnogo iskusstva Tuvy [A history of folk art in Tuva]*. Moscow, Nauka. 219 p. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (2009) *Zagadochnaia Tuva [The mysterious Tuva]*. Moscow, Domashniaia gazeta. 416 p. (In Russ.).

Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).

Danilova, N. K. and Vasilyev, V. E. (2019) Religiozniy landshaft: «siel», «salama» i «delbirge» v ritual'nom prostranstve v svete izucheniia evoliutsii besкровnykh zhertvoprinoshenii naroda sakha [Religious background: “siel”, “salama” and “delbirge” in ritualistic space in light of examination of evolution of bloodless sacrifices performed by Sakha people]. *Obshchestvo: filosofii, istorii, kul'tura*, no. 12 (68), pp. 30–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2019.12.4>

Dongak, S. Ch. (2018) *Mal ydyktaar tyva ezulaldar = Tuvinskie obriady osviashcheniia skota [Tuvan rites of consecration of cattle]*. Kyzyl, s. n. 52 p. (In Tuv. and Russ.).

Ekeeva, E. V. and Belekova, E. A. (2018) Kul'tovaia atributika v traditsionnom mirovozzrenii altaitsev [Cult paraphernalia in the traditional worldview of the Altayans]. Gorno-Altaysk, S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies. 120 p. (In Russ.).

Zhambalova, S. G. (2023) Ritual'nye konoviazhi serge u buriat v XXI veke [Ritual hitching posts serge among the Buryats in the 21st century]. *Gumanitarnyi vektor*, vol. 18, no. 1, pp. 123–132. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2023-18-1-123-132>

Zhukovskaia, N. L. (1977) *Lamaizm i rannie formy religii [Lamaism and early forms of religion]*. Moscow, Nauka. 199 p. (In Russ.).

Katanov, N. F. (2011) *Ocherki uriankhaiskoi zemli. Dnevnik puteshestviia, ispolnennogo v 1889 godu po porucheniiu Imperatorskoi Akademii nauk i Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Essays on the Uriankhai territory. The diary of a journey made in 1889 on behalf of the Imperial Academy of Sciences and the Imperial Russian Geographical Society]*. Kyzyl, Tuvan Institute for Humanities Research under the Government of the Republic of Tuva. 384 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2002) *Mify tuvinskikh shamanov = Tyva khamnarnyḡ torulgalary [Myths of Tuvan shamans]*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 544 p. (In Russ. and Tuv.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]* / transl. from Tuvan. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2009) *Tuvinskie shamany [Tuvan shamans]*. Moscow, Maska. 328 p. (In Russ.).

Kirilenko, E. I. (2020) Nit' na zapiast'e: tuvinskii opyt zdorov'ia (po materialam interv'iu so studentami tuvinskoii diaspory Tomska) [A piece of thread around the wrist: Tuvan experience of health as seen in interviews with students from the Tuvan diaspora in Tomsk]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 3–18. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.1>

Kisel, V. A. and Havrin, S. V. (2009) Gora Dogee kak arkhologicheskii i etnograficheskii pamiatnik Tuvy [The Dogee mountain as an archaeological and ethnographic monument of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 101–108. (In Russ.).

Kurasov, S. V. (2013) Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Tibeta: simbolika i struktura ritual'nykh ob'ektov [Tibetan decorative and applied arts: Symbolism and structure of ritual objects]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ia. Iakovleva*, no. 1–1 (77), pp. 104–111. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuvinskie obriady dagylga v XXI v. [Tuvan rites dagylga in the 20th century]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 125–143. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>

Lamazhaa, Ch. K. (2023) Kontsepty kul'tury: forma, ideia, sotsial'naia reguliatsiia [Concepts of culture: Form, idea, social regulation]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Lamazhaa, Ch. K., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mongush, A. V. (2022) Khoi e"di dlia tuvintsev. Identichnost', udobstvo, otvetstvennost' [Khoi edi for Tuvans. Identity, convenience, responsibility]. *Etnografia*, no. 4 (18), pp. 151–174. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. and Mongush, A. V. (2023) Sviatoe v tuvinskoii kul'ture: proshloe i sovremennost' [The sacred in Tuvan culture: Past and modernity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–241. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Li, M. (2019) Traditsionnyi tibetskii festival' skachek [Traditional Tibetan festival of races]. In: III Gotlibovskie chteniia: Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona v fokuse sovremennosti [The 3rd Gottlieb Readings: Oriental studies and regional studies of the Asia-Pacific region in the focus of modernity] : Proceedings of the International conference (Irkutsk, September 10–16, 2019) / ed. by E. F. Serebrennikova. Irkutsk, Irkutsk State University. 541 p. Pp. 304–311. (In Russ.).

Lidzhieva, A. M. (2019) Molitvennye flazhki «ki morn» v sovremennoi gorodskoi zhizni kalmykov [Prayer flags “ ki morn” in contemporary urban life of the Kalmyks]. *Magna Adurgit: Historia Studiorum*, no. 2, pp. 76–82. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2541-9749-2019-8-2-76-82>

Mal-magan. Tuvintsy – skot – miaso [Mal-magan. Tuvans – cattle – meat] (2023) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 152 p. (Forthcoming). (In Russ.).

Nanzatov, B. Z. and Sodnompilova, M. M. (2012) V Mongol'skoi Dzhungarii: etnograficheskie zarisovki [In Mongolian Dzungaria: Ethnographic sketches]. In: *Kul'turnoe nasledie narodov Tsentral'noi Azii [Cultural heritage of the peoples of Central Asia]* : A collection of articles. Issue 3 / ed. by M. M. Sodnompilova. Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat Scientific Centre of the SB RAS. 226 p. Pp. 5–27. (In Russ.).

Ondar, B. K. (2004) *Toponimicheskii slovar' Tuvy [A toponymic dictionary of Tuva]*. Abakan, N. F. Katanov Khakassian State University. 256 p. (In Russ.).

Petrov, F. N. (2006) Obraz Mongolii: ekspeditsionnye vpechatleniia [The image of Mongolia: Expedition impressions]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (76), pp. 115–133. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2023) Etnokul'turnyi neotraditsionalizm: refleksivno-integratsionnaia teoreticheskaia model' [Ethno-cultural neotraditionalism: Reflexive integration theoretical model]. *Etnografia*, no. 3 (21), pp. 203–223. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3\(21\)-203-223](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223)

Potanin, G. N. (1883) *Ocherki Severo-zapadnoi Mongolii: Rezul'taty puteshestviia, ispolnennogo v 1879 godu po porucheniiu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva chlenom-sotrudnikom onogo G. N. Potaninym* [Essays of north-western Mongolia: The results of a trip made in 1879 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society by its member and employee, G. N. Potanin]. Issue 4. St. Petersburg, Printing House of V. Bezobrazov and C°. [18], 1026 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]. Moscow, Nauka. 404 p. (In Russ.).

Soboleva, E. S. (2017) Neotraditsionalizm v sovremennoi kul'ture soiotov i buriat Okinskogo raiona Respubliki Buriatii [Neotraditionalism in the contemporary culture of the Soyots and Buryats of the Okinsky rayon of the Republic of Buryatia]. In: *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN* [Materials of field research of the MAE RAS]. Issue 17. In memory of E. A. Alekseenko / ed. by E. G. Fedorova. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS. 268 p. Pp. 109–132. (In Russ.).

Terletskii, N. S. (2009) Nekotorye drevnie atributy musul'manskikh mest palomnichestva i pokloneniia (k voprosu o funktsiiakh i simvolizme tuga) [Some ancient attributes of Muslim places of pilgrimage and worship (the question of the functions and symbolism of the tug)]. In: *Tsentrāl'naia Aziia: traditsiia v usloviakh peremen* [Central Asia: Tradition in the face of change]. Issue 2 / ed. by R. R. Rakhimov and M. E. Rezvan. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS. 396 p. Pp. 112–149. (In Russ.).

Trofimova, E. A. (2013) Domashnii altar' v tibetskom buddizme: simvolizm i traditsii [The home altar in Tibetan Buddhism: Symbolism and traditions]. In: *Buddizm Vadhraiany v Rossii: istoricheskii diskurs i sopredel'nye kul'tury* [Vajrayana Buddhism in Russia: Historical discourse and adjacent cultures] / ed. by E. V. Leontieva. Moscow, Almaznyi put'. 512 p. Pp. 453–459. (In Russ.).

Tuva. Rodnaia zemlia [Tuva. Native land] (2023) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. (Forthcoming). (In Russ.).

Tuvintsy. Rodnye liudi [Tuvans. Native people] (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy ; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (2005) *Religiia v kul'ture narodov Saiano-Altaiia* [Religion in the culture of the Sayano-Altai peoples]. Moscow, The Russian Academy of Public Administration. 228 p. (In Russ.).

Tsedev Novaanzoch (2015) Sviashchennaia gora Sutai i obriady, sviazannye s ee gosudarstvennoi sakralizatsiei [The sacred Sutai Mountain and the rituals associated with its state sacralization]. In: *Altai – Gimalai: traditsionnye znaniia i innovatsii v razvitiu gornyykh i predgornyykh regionov Evrazii* [Altai – Himalayas: Traditional knowledge and innovations in the development of mountainous and submontane regions of Eurasia] : Proceedings of the 1st Russian, Indian and Mongol seminar, June 19–20, 2015 / ed. by N. A. Kolpakov and I. V. Fotieva. Barnaul, Altai – 21 vek. 228 p. Pp. 63–68. (In Russ.).

Chilbakova, A. V. (2017) Simvolika ritual'nykh lent altaitsev [The symbolism of ritual ribbons of the Altayans]. In: *Sovremennye problemy izuchenii drevnykh i traditsionnykh kul'tur narodov Evrazii* [Modern issues of studying ancient and traditional cultures of the peoples of Eurasia] : Proceedings of the 57th Russian (with international participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students, Postgraduates and Young Researchers (Surgut, April 17–21, 2017) / ed. by A. V. Kenig. Surgut, Institute of the Archaeology and Ethnography of the SB RAS. 412 p. Pp. 396–397. (In Russ.).

Sherstova, L. I. (2010) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: The origins of the ethnic group and religion]. Tomsk, Tomsk State University. 288 p. (In Russ.).

Yuanpeng, H., Alekseeva, G. V. and Tingting, Q. (2020) Tibetskaia kul'tura basseina reki Khuankhe v tvorchestve sovremennykh kitaiskikh khudozhnikov [Tibetan culture of the Yellow River Basin in the work of contemporary Chinese artists]. *ICONI*, no. 4, pp. 25–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.33779/2658-4824.2020.4.025-037>

Barker, D. (2003) *Tibetan prayer flags: Send your blessings on the breeze*. London, Connections Book Publishing Ltd. 64 p.

Gazizova, V. (2021) Sacred heights in the topography of flatlands. Ovaa kurgans in the Kalmyk Buddhist landscape. *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*, no. 52. DOI: <https://doi.org/10.4000/emscat.4960>

Charleux, I. and Smith, M. J. (2021) Introduction. *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*, no. 52. DOI: <https://doi.org/10.4000/emscat.4919>

Kelényi, B., ed. (2003) *Demons and protectors: Folk religion in Tibetan and Mongolian Buddhism*. Budapest, Ferenc Hopp Museum of Eastern Asiatic Art. 135 p.

Rabten, T. (2011) A brief discussion of the origin and characteristics of the decorative design on Tibetan rlung rta (prayer flags). In: *Proceedings of the tenth seminar of the IATS, 2003*. Vol. 13: Art in Tibet / ed. by E. Lo Bue. xi, 336 p. Pp. 151–160. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004155190.1-348.66>

Wise, T. (2002) *Blessings on the wind: The mystery and meaning of Tibetan prayer flags*. San Francisco, CA, Chronicle Books. 64 p.

Submission date: 29.09.2023.

Acceptance date: 05.10.2023.